

Я вспоминаю учительницу Наталью Владимировну Зоберн... Она учила мою маму и меня, но я не могу сказать точно, сколько лет ей было тогда. Ясно, что немало. Уже достаточно старенькая, она продолжала работать с нами и в тяжелые годы войны. Именно от нее, литератора, я впервые услышал пророческие слова, и они запали мне в душу на всю жизнь: «Ребята, из вас выйдут замечательные агрономы, учителя, инженеры». А я думал, о чем она говорит? Только что из нашего класса ушли люди из военкомата, без особых церемоний сказавшие: «А ну, выворачивайте карманы», — и унесли с собой сумку трофейных гранат, пистолетов и патронов. Народ мы были хулиганистый, учиться, считали, вроде и ни к чему — условия к тому не располагали. Из-за холодов можно было не ходить в школу, в классе замерзали чернила, и писали мы на перевернутых листах книг.

При таком отношении к образованию трудно надеяться на что-то путное, но прошло много лет, и все, что предрекла мудрая учительница, так и случилось. Сердечное ей спасибо.

Война вступила в наш город Павловск, где мы жили с мамой и братом. Наши отступали, занятия в школе прекратились. В городе — безвластие. Со своей стороны мы в бинокль видим немцев, а они не решаются форсировать Дон.

Их пушки обстреливают город. Тогда я впервые увидел мародерство, когда взламывают магазины и все тащат по своим домам.

Мне 12 лет, и мы бегаем по городу, не думая об обстреле. Нам все интересно. В одном подвале обнаружили соль. Люди мгновенно образовали очередь и уносили, кто сколько мог. И меня мама дважды посылала. «Хорошо, что взял», — похвалила она. В недалеком будущем ее стоимость станет такова: килограмм соли — килограмм масла.

А все началось с Алексеевки. Мы сажали картошку...

В нашей провинциальной школе города Павловска незабвенные наши учителя на прощание нам говорили: «Получили “хорошо”, рассчитывайте на “отлично”, если будете сдавать в любой столичный вуз». И это оказалась правдой: мы все получали на балл выше. Все, кто поступал в институты, поступили, и все успешно окончили учебу. И не пропали в жизни. Когда сейчас говорят, что Россию спасет провинция, я в том не сомневаюсь. В маленьких городках и деревнях отношение российских учителей осталось такое же, и их воспитанники еще покажут себя с лучшей стороны.

В детстве меня увлекала Природа. Я написал с большой буквы, потому что не могу выделить что-то одно. Прежде всего, Дон — как говорили, батюшка-Дон. В него впадают речка Осередь и еще одна маленькая речушка, название не вспоминается.

На правом берегу — меловые горы и пещеры, и их протяженность длиннее, нежели в прославленной лавре. Во времена моего детства там еще сохранялись настенные росписи. Вокруг песчаные почвы. Ковыль. Озера. Леса. Думаю, это тот участок земли, где собрано все богатство и разнообразие средне-южной России. Был у нас и великолепный сосновый бор. По местной легенде, городской глава Одинцов на свои деньги укреплял пески и высадил сосновые леса. Рядом простирались черноземы и заливные луга. Меня всегда тянуло бродить среди этого разнообразного великолепия. Даже зимой ходил один через замерзший Дон, чтобы пройти по зимней дороге среди леса, покрытого инеем. К тому времени относится и мое желание стать лесником. Я еще не знал, кем буду, но твердо знал: все это мне нравится. Это не оставляло меня равнодушным, и я хотел, чтобы это осталось у меня на всю жизнь.

Вспоминается один из эпизодов. Война... Я иду по разбитому городу и захожу в здание районной библиотеки. Двери сняты, окна выбиты, книги свалены со стеллажей. На полу валяется ворох художественной литературы. В ту пору я обратил внимание лишь на небольшую книжицу с цветным рисунком на плотном переплете: С.И. Исаев. «Мичуринские сорта плодовых и ягодных культур». Взял, полистал.

Мне 12 лет. Вместо модной тогда книги «Приключения капитана Врунгеля» я, школьник, беру селекционную книгу.

Пройдет еще лет десять и станет ясно: селекция — моя жизнь. Пройдет еще немного времени, и я познакомлюсь и подружусь с Сергеем Ивановичем Исаевым. Странная штука жизнь! И нет ничего горше, если ты что-то не успеваешь сделать или сказать. Часто встречаясь с Сергеем Ивановичем, я так и не сказал ему о том случае и не показал ту книгу. Думаю, это бы его обрадовало.

Прошло 52 года. Выбывают дни, работаю в кабинете, и мне попадаетеся на глаза эта книга. И я думаю, как интересно устроена жизнь. С.И. Исаев — продолжатель дела И.В. Мичурина; в то время — работник НИИ садоводства им. И.В. Мичурина; позднее — декан, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова; через много лет — официальный оппонент при защите мною докторской диссертации.

Эта книжечка для меня — очень дорогая память, храню ее до сих пор.

В годы моей юности асфальтированной автомобильной нынешней дороги Во-

ронеж — Ростов не было, и добраться к нам в Павловск можно было только паромом по Дону. Когда учился в Воронеже, то доезжал до Подгорного и 45 километров шел пешком. Шел и радовался, что живу в таких прекрасных местах. Молодость! Приходил домой и вечером бежал в кино. А однажды поезд не остановился и прокатил меня до Россоси, и оттуда я шел уже 60 километров.

Чем ближе было окончание школы, тем все больше выявлялись предпочтения и стремления. Даже теперь для меня является неожиданным мое тогдашнее желание подписаться на «Ботанический журнал». И сейчас такой узкопрофильный журнал надо читать очень серьезно, а тогда мне, школьнику? Но это было. В журнале описывалось, как где-то в степи нашли какой-то редкий вид травы, и было дано ее название. В одном из домов, где мы жили, я обнаружил агрономические книжки и жадно читал их вместо приключенческих романов.

Оглядываясь назад, не перестаю удивляться самому себе, поскольку не было ничего, что бы меня подталкивало именно в этом направлении. Даже среди самых отдаленных предков не было никого, кто бы мог передать мне такую генетическую предрасположенность.

Мама, Антонина Емельяновна, родилась 23 июня 1899 года в семье служащего. В 1916 году окончила Павловскую женскую гимназию, работала учительницей начальных классов в селе Семеновка. В 1920 году перешла на работу делопроизводителем в райздраве и горсовете. В 1926 году вышла замуж за Седова Николая Яковлевича. В 1930 году мы переехали в поселок Алексеевку Воронежской (теперь Белгородской) области, а в 1933 году — в г. Лиски (одно время назывался г. Свобода, затем Георгиу-Деж, теперь снова Лиски) Воронежской области. В Лисках мама работала ликвидатором безграмотности при ликбезе райкома союза потребительской и учительницкой школы взрослых при Лискинском горно. В сентябре 1941 г. вернулись в г. Павловск, где мама стала секретарем отделения ВОС (Всероссийское общество слепых). На пенсию вышла в 1954 году и в 1956 году переехала в Орел, где и жила с нами. Всю жизнь она была мечтательницей, романтиком и читала художественную литературу запоем. Даже в 95 лет она еще могла прочитать правнукам на память стихи Пушкина или Лермонтова.

Отец, Николай Яковлевич, родился 6 декабря 1903 года в семье крестьянина-середняка. С 8 лет пошел в начальную школу. Затем по настоянию родителей перешел учиться в духовное училище. Революция прервала его учебу там, и он стал работать в хозяйстве у своего отца. В 1926 году женился, отделился от отца и до 1930 года занимался сельским хозяйством. На лето брал в аренду пахотную землю в Донбассе и выращивал арбузы. Большую часть времени занимался извозом по найму на своей лошади. В 1930 году вступил в колхоз «Путь Октября», отдав свою лошадь в общую конюшню. Вскоре мы переехали в поселок Алексеевка, где он работал кладовщиком склада лекарственных растений, инструктором по заготовке лекарственного и технического сырья. После были еще разные должности, но все прервала война. 22 января 1942 года в возрасте 39 лет был призван в армию, четыре раза ранен (дважды — тяжело). Награжден медалью «За отвагу». Участник Парада Победы в Москве. После демобилизации работал директором Павловской пекарни...

В феврале 1947 года осужден за халатное отношение к служебным обязанностям к 3 годам лишения свободы. Вина его состояла в том, что он послал необорудованную машину за сахаром в Воронеж, а ехать ни мало ни много 180 километров. На обратном пути машина попала в дождь, сахар намок и утек через борта. Тогда с этим было строго — три года заключения. Пришлось мне оставаться за хозяина. После отсидки и до выхода на пенсию отец работал в Павловской ремонтной стройконторе. Несмотря на нелегкую жизнь, он отличался веселым, неунывающим характером, искренне всему радовался и гордился успехами сыновей в

учебе. С ним легко было общаться. С матерью прекратил совместную жизнь в 1956 году, когда она переехала на постоянное жительство в нашу семью в Орел. Умер в 1976-м.

Брат Леонид родился в сентябре 1933 года. Учился в школе очень хорошо (заключил с серебряной медалью). После окончания Московского химико-технологического института имени Д.И. Менделеева работал в НИИ пластмасс. Стал крупным специалистом в области химии пластмасс. При его непосредственном участии зарождалось производство полиэфирных смол и на их основе стеклопластиков. В возрасте 43 лет имел более 100 научных трудов и свыше 20 изобретений. Владел немецким и польским языками, переводил с английского. 28 сентября 1976 года автокатастрофа под Москвой прервала его жизнь, когда он в качестве гида вез немецких коллег на экспериментальный завод. На похороны приехал отец, коллеги из других стран. Через месяц не стало отца.

Дед по материнской линии — Емельян Тихонович Иванов. Умер в зиму 1941–1942 годов в глубокой старости. Прожил долгую трудовую жизнь. По рассказам бабушки и матери, работал у купца в качестве шибая (заготовителя). Был большим любителем чая. В хорошем настроении мог вместе с собеседником сидеть за ведерным самоваром по нескольку часов. На вид угрюм. Имел строгие нравы, соблюдал посты. Лечился народными средствами.

Бабушка Прасковья Ивановна выросла в бедной семье. С детства не получила образования, так как с 12 лет работала ученицей у портного. Разносила заказы и выполняла другую черновую работу. Через 12 лет стала работать у хозяина в качестве швей. Ее ремесло очень пригодилось всем нам в годы войны, когда многую одежду приходилось перешивать. Она выполняла заказы, несмотря на преклонный возраст. За свою работу, как правило, получала натурой (зерно, крупа, картошка). Была добродушная. Во время праздников любила выпить стопочку. С ней было легко и весело. Можно было поговорить и о религии. Хотя и была верующим человеком, не обижалась, как многие, когда в разговоре с ней кто-либо критически отзывался о Боге. Помню, на вопрос, есть ли на свете черти и бесы, она не задумываясь ответила: «Раньше были точно, а теперь все повывелись». Умерла она в Орле в 1959 году в возрасте 86 лет после операции.

Бабушка по отцовской линии Мария Сергеевна жила в Макеевке. Умерла она в возрасте 90 лет. За год до смерти мне пришлось увидеть ее: высокая, сухощавая, добрая старушка. Деда по отцовской линии я не видел и ничего о нем не знаю.

Мои первые впечатления относятся к 1933 году. Был голод, и помню, как родители во дворе под окном высаживали картофельные очистки. Появление всходов, прополка и ожидание урожая произвели на меня огромное впечатление: «Как, из очисток и — растения?» Может, тогда подспудно я проникся растениеводством?..

В этом же году мы переехали в г. Лиски и поселились на улице Советской во флигеле. Во дворе располагались склады, а в одном были цементные чаны (дошники) для квашения капусты. Удивляла быстрая резка капусты на электрической машине. После рабочие в резиновых сапогах уплотняли капусту, прежде чем закрыть деревянными крышками. Рядом находился двор детского сада, куда меня и отдали. Хотя двор был проезжим, возле крыльца я посеял семена дыни и на удивление родителям и соседям вырастил зрелый плод, вполне съедобный. И опять спрашиваю сам у себя: откуда у меня такое стремление ко всему такому?

В сентябре 1937 года пошел в 1-й класс. Учился хорошо. После уроков и в выходные дни с ребятами, а когда и сам уходил за город в сосновый лес. Однажды притащил ежа, он некоторое время жил в комнате, выстукивал дробь своими коготками. Перед войной во многих квартирах появились электрические лампочки. Значительным событием и семейной радостью стало приобретение патефона.

В магазинах на прилавках лежали основные продовольственные товары: колбасы, сыры, конфеты, сахар в кусках и в головках. Как и наша, большинство семей жили скромно. Конфеты только по праздникам. В 1941 году переехали на новую квартиру, в новый дом с электричеством. К сожалению, пожить нам в том доме не пришлось.

22 июня началась война. Уже в первые месяцы немецкие самолеты бомбили железнодорожные составы. Нагло, безнаказанно, не опасаясь, самолеты с черными крестами низко пролетали над городом. После бомбежки долго горели вагоны и рвались снаряды. Мы, любопытные, бегали смотреть на это зрелище. Первое время я, как и многие, не понимал ужаса, который неизбежно ждал нас впереди, но потом все невзгоды, горечи и беды ощутил сполна.

А пока, как и все, был в приподнятом настроении: «Мы — непобедимая страна, война будет скоротечной и закончится, безусловно, победой на территории врага».

К сожалению, так думал не только я, но и многие взрослые.